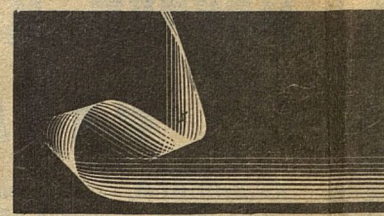

ЗАВТРА
ИСПОЛНЯЕТСЯ
75 ЛЕТ
МИХАИЛУ
АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ШОЛОХОВУ

В МИРЕ ТВОРЧЕСТВА

Судьба человека — судьба народная

ТВОРЧЕСТВО Михаила Шолохова — одного из наиболее выдающихся представителей русской советской, да и всей прогрессивной мировой литературы XX века — многими нитями связано с культурой Советской Эстонии. Первые переводы шолоховских романов появились на эстонском языке еще в 30-е годы. Так, в 1935 году в Издательстве иностранных рабочих в СССР выходит в переводе Э. Юргенфельдта первая книга «Поднятой целины», а в 1936—1937 годах — в самой Эстонии в просуществовавшем недолго прогрессивном издательстве «Калев» — первая книга «Тихого Дона» (об истории этого издания как о примечательном факте тогдашней общественно-литературной борьбы писал уже в советское время Ааду Хинт). Воспоминания целого ряда эстонских литераторов — Деборы Вааранди, Пауля Куусберга, Карла Киви, Рудольфа Сирге — донесли до нас свидетельства того, что новизна материала, идейной трактовки, да и самих героев шолоховских романов тогда произвели на них неизгладимое впечатление. Впечатлял широкий эпический размах в романах русского писателя, правдивость изображения империалистической войны в «Тихом Доне», монументальность шолоховских героев. С этими произведениями в сознание эстонского народа входило нечто принципиально новое — большая правда о революции, о становлении новой, Советской России.

В первый год после восстановления Советской власти в Эстонии на страницах журналов «Вийснурк», «Ньюкоуде Культуур» печатаются отрывки из IV книги «Тихого Дона», в газетах — фрагменты из «Поднятой целины». Появляются и первые статьи о жизни и творчестве самого Шолохова. Небезынтересно отметить, что тогда же, в марте 1941 года, Михаил Шолохов посетил Эстонию, побывал в Таллине, Тарту и Пярну. В Таллине его приветствовал И. Варес-Варбарус, в поездке по республике его сопровождали Н. Каротамм и Г. Абелъс. Давая в своих высказываниях высокую оценку трудолюбию эстонцев, писатель особенно интересовался аграрной политикой в республике, вопросами развития литературы и репертуара эстонского театра.

В годы Великой Отечественной войны в Москве, в Издательстве иностранной литературы, выходит в переводе на эстонский язык «Наука ненависти» М. Шолохова. Систематическая же работа по переводу почти всего его литературного творчества падает на послевоенные десятилетия. Так, «Тихий Дон» выходил в полном объеме дважды — в 1946—1948 и 1957 годах (в переводе Ю. Курфельдта), «Поднятая це-

лина» — четырежды (I книгу перевел Ф. Кылли, II — Отто Самма), «Судьба человека» — трижды (в переводе О. Самма). Отрывки из романа «Они сражались за Родину» публиковались в разные годы на страницах еженедельника «Сирп я Вазар», многие из «Донских рассказов» М. Шолохова — как в периодических изданиях, так и в литературных сборниках. В 1975 году под названием «Коловерть» в «Библиотеке «Лoomинга» было издано 6 шолоховских рассказов 20-х годов из сборников «Донские рассказы» и «Лазоревая степь» (также в переводе О. Самма). Таким образом, большая и значительная часть творчества классика советской литературы стала доступной эстонскому читателю на его родном языке. Добавим, что на протяжении всех послевоенных десятилетий творчество Шолохова подробно изучается в эстонской школе, особенно роман «Поднятая целина». Созданные на основе шолоховских произведений художественные фильмы смотрели сотни и тысячи

жителей нашей республики. Эстонский литератор Тынис Лехметс, посетив Шолохова в станице Вешенской, написал об этом интересный очерк «На Донской земле, где живет Шолохов» («Эдази», 16.V.1965), а позднее — эссе о его романах «Правда прежде всего» («Эдази», 24.V.1970). Высказывания о Шолохове можно найти у Ю. Смуула, А. Хинта и ряда других видных эстонских писателей. Имеется немало признаний эстонских литераторов в том, как много дал им «Тихий Дон» — «эпос революции», его эпическая масштабность и психологическая глубина в исследовании «судьбы человеческой — судьбы народной».

Думается, близок шолоховской традиции Ааду Хинт в тех частях своей тетралогии «Берег ветров», где переломная эпоха передана через сложные внутренние противоречивые судьбы (например, оторвавшегося от родной среды и ставшего капиталистом — эксплуататором Тыниса Тиху или несостоявшегося «богача из бедняков»

Йонаса Тиху). Черты сходства можно заметить и в том, как оба писателя, исходя из локального материала, выходят к проблемам и обобщениям интернационального звучания, касающимся судьбы человека и народа в революцию. Разумеется, связи здесь внутренние, глубинные, скорее даже типологического характера — ведь речь идет о национально своеобразных эпопеях писателей двух братских народов, близких прежде всего в концептуальном отношении.

Принципиальное значение для эстонской советской литературы имеет и опыт шолоховской «Поднятой целины». Ведь ситуации, конфликты и характеры, рассмотренные в этом произведении, глубоко типичны в своей основе для каждого из советских народов в эпоху коллективизации сельского хозяйства. Преемственные связи с этой шолоховской традицией ощущаются не только в известной повести Г. Леберехта «Свет в Коорди», где они даже текстуально ощутимы, но и в более оп-

средованном виде — в посвященном перелому в сознании эстонского крестьянства произведениях Р. Сирге, Э. Раннета и других писателей. Критика уже отмечала известные черты «давыдовского» типа характера у Кустаса Локка, героя романа Э. Раннета «Камни и хлеб». Важным представляется отметить и ту роль, которую сыграла вторая книга «Поднятой целины» в развитии литературы о жизни советского крестьянства.

Неоспорима и большая принципиальная роль шолоховской «Судьбы человека» для развития нашей военной прозы, углубления ее гуманистического пафоса, психологического драматизма, антивоенной направленности. В эстонской литературе традиция, связанная с изображением войны именно в таком ключе, через данную крупным планом судьбу человека, призванную — соответственно специфике самого материала — показать преобразование эстонского солдата на войне в советского воина-патриота, воплотилась в военных романах Пауля Куусберга. Нельзя не вспомнить об этой традиции (от которой во многом идет и проза психологического драматизма Бондарева, Вакланова, Выкова) и в связи с недавно опубликованным фрагментарием Ю. Пеэгеля «Я погиб в первое лето войны».

Все сказанное нами не может не свидетельствовать о том, сколь многогранны и разнообразны связи Шолохова с эстонской литературой, сколь плодотворны традиции его творчества для эстонских мастеров художественного слова, для развития метода социалистического реализма в литературе Советской Эстонии.

Н. БАССЕЛЬ.

Ю. Аррак.
Иллюстрация к «Донским рассказам».

В. Станишевский.
Иллюстрация к «Поднятой целине».